

Личность блаженного Августина.

Никто не рождается чистой таблицей, на которую впечатлѣнія и опытъ послѣдующей жизни наносятъ свои письма. Дитя приноситъ въ міръ опредѣленный характеръ, легко поддающийся однимъ воздѣйствіямъ, равнодушный къ другимъ, сопротивляющийся третьимъ. Никто не приступаетъ къ сознательному созиданію своей личности на основѣ однихъ лишь прирожденныхъ потенцій: пока умъ и воля спятъ въ утрѣ ранняго дѣтства, воспитаніе и вліяніе окружающей среды уже успѣваютъ, не считаясь съ нашими желаніями, наполнить душу извѣстнымъ содержаніемъ. То и другое служитъ точкою отправленія для послѣдующихъ сознательныхъ исканій. Прирожденный характеръ, воспитаніе, личныя усилія—вотъ три элемента, изъ которыхъ складывается личность. Съ этихъ трехъ точекъ зрѣнія мы и рассмотримъ личность бл. Августина.

I.

Прирожденный характеръ.

Количество силы опредѣляется величиною произведенной ею работы. Одаренность личности обнаруживается въ глубинѣ и обширности ея вліянія на жизнь. Прилагая эту мѣрку къ бл. Августину, мы должны отнести его къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, отмѣченныхъ сіяющей печатью генія, которые несутъ міру новое слово и рождаются не въ каждомъ тысячелѣтіи. Разносторонняя одаренность его личности изумительна. Въмѣстѣ съ обширнымъ, живымъ и глубокимъ умомъ онъ получилъ отъ природы удивительную

полноту и тонкость чувства. Поэтому, по степени вліянія на послѣдующія поколѣнія его можно сопоставить развѣ только съ Платономъ и Аристотелемъ. Западная половина римской имперіи была счастлива, получивъ отъ бл. Августина его богатое литературное наслѣдство. Въ многочисленныхъ и разнообразныхъ по содержанію сочиненіяхъ отца западной церкви она имѣла полную научную энциклопедію. Обладая ею, она не могла дойти до полного одичанія, каковы бы ни были катастрофы, угрожавшія ея просвѣщенію. Средневѣковая схоластика и мистика въ одинаковой степени черпали свои жизненные соки изъ твореній бл. Августина. Въ средневѣковой философіи никогда не умиралъ августинизмъ, но и противоположное ему направленіе, отдававшее рѣшительное предпочтеніе Аристотелю предъ Платономъ, въ значительной степени жило августиновскими традиціями. Еще сильнѣе и глубже было вліяніе бл. Августина въ области практической религіозности. Имъ былъ данъ законченный обликъ западному христіанству, опредѣлившемуся со стороны своихъ основныхъ чертъ уже въ твореніяхъ литературныхъ предшественниковъ иппонскаго епископа. Онъ положилъ краеугольные камни, на которые опиралась церковная и политическая система среднихъ вѣковъ. Своею *Исповѣдью* онъ создалъ новый типъ религіозности и сталъ властителемъ сердець, ищущихъ успокоенія въ Богѣ. Къ его авторитету прибѣгали и защитники католичества и его противники. Мы не поймемъ происхожденія и первоначальной исторіи реформации, если станемъ изучать это религіозное движеніе внѣ связи съ вліяніемъ бл. Августина. Только личность гениальной силы могла опредѣлить въ такой степени будущее...

Первое, что обращаетъ на себя вниманіе въ складѣ ума бл. Августина, это его необыкновенная живость и впечатлительность. Сначала риторъ по профессіи и преподаватель краснорѣчія, потомъ истолкователь христіанскихъ догматовъ, ученый комментаторъ Св. Писанія и проповѣдникъ, онъ всю свою жизнь провелъ надъ книгами, въ изученіи классической и христіанской литературы. Къ произведеніямъ челоувѣческой мысли возможно чисто внѣшнее отношеніе. Можно собирать и классифицировать философскія сентенціи, какъ любители собираютъ коллекціи монетъ, оружія или жен-

скихъ украшеній, можно при случаѣ пользоваться этимъ матеріаломъ для доказательства своихъ или опроверженія чужихъ мнѣній, но въ то же время жить своей собственной, независимой отъ этихъ литературныхъ впечатлѣній, жизнью. Такъ поступали александрійскіе филологи, написавшіе всевозможныя энциклопедіи, и греческіе доксографы. Христіанскіе апологеты и Климентъ Александрійскій широко пользовались подобными сборниками и черпали изъ нихъ свою эрудицію, оставаясь внутренне совершенно чуждыми этому пышному украшенію собственнаго стиля ¹⁾. У Августина нѣтъ поддѣльной учености. Все, что встрѣчалъ онъ въ литературѣ, проходило чрезъ горнило его духа и получало печать его индивидуальности. Онъ бралъ системы въ ихъ цѣломъ, быстро и безъ затрудненія схватывалъ ихъ смыслъ и жилъ ими внутренне. Умъ его тотчасъ же начиналъ двигаться въ новомъ направленіи и не останавливался, пока не исчерпывалъ его до конца. Чтеніе Гортензія Цицерона было, какъ увидимъ ниже, однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ его жизни и навсегда опредѣлило направленіе его дальнѣйшаго развитія ²⁾. Затѣмъ его захватываетъ манихейство. Онъ стремится осмыслить эту фантастическую систему, и согласовать ее съ данными тогдашней науки. Онъ ее защищаетъ, оправдываетъ, проповѣдуетъ и своимъ паѳосомъ увлекаетъ за собою друзей. Категоріи Аристотеля, такъ туго дававшіяся другимъ ученикамъ и доставлявшія столько хлопотъ учителямъ, вынужденнымъ комментировать ихъ при помощи таблицъ и схемъ, безъ особаго напряженія мысли и безъ посторонней помощи были усвоены двадцатилѣтнимъ юношей. Августинъ съ жадностью набрасывается на это сочиненіе, тотчасъ овладѣваетъ его содержаніемъ и пытается выразить въ его терминахъ свое понятіе о Богѣ ³⁾. Съ жи-

¹⁾ *Geffcken, J.* Zwei griechischen Apologeten. Leipzig und Berlin 1907. См. введеніи и комментаріи. *Wendland, P.* Die hellenistisch-römische Kultur in ihren Beziehungen zu Judentum und Christentum. Tübingen 1907, S. 150—160. *Kremmer, M.* De catalogis heurematum. Lipsiae 1890. *Christ, W.* Philologische Studien zu Clemens Alexandrinus. München 1900. *Gabrielsson, I.* Ueber die Quellen des Clemens Alexandrinus. Upsala Th. I, 1906; Th. II, 1909. Сравни. *И. Поповъ*, Элементы греко-римской культуры въ исторіи древняго христіанства. Москва 1909, стр. 16—18.

²⁾ Confes. III, 7.

³⁾ Ibid. IV, 28—29.

вымъ интересомъ и радостнымъ сознаніемъ своей интеллектуальной силы изучаетъ онъ всѣ свободныя науки ¹⁾. На нѣкоторое время онъ отдается страстному увлеченію астрологіей. Ни мудрыя предупрежденія старца Виндиціана, ни насмѣшки лучшаго друга, осторожнаго и независимаго Невбридія, не охлаждають его ²⁾. Онъ продолжаетъ разсматривать гороскопы и знакомиться съ тайнами констелляцій, пока не наталкивается на факты, ниспровергающіе всѣ теоріи „математиковъ“ ³⁾. Случайное знакомство съ сочиненіями Плотина открываетъ предъ нимъ невѣдомые горизонты. Въ самое короткое время онъ входитъ въ духъ неоплатонизма и, въ трепетномъ предчувствіи новыхъ откровеній, быстро измѣняетъ весь свой душевный строй ⁴⁾. Наконецъ, онъ всей душой отдается обаянію посланій ап. Павла; идея прощающей и уничтожающей Себя благодати Божіей проникаетъ въ его сердце и кладетъ неизгладимую печать на всю его личность ⁵⁾. Такъ всякое теченіе мысли находило сочувственный откликъ въ душѣ Августина, волновало его и возбуждало его умственную энергію. Но книга не заслонила ему ни природы, ни тайнъ собственной души.

Каждое новое явленіе, мимо котораго равнодушно проходитъ большинство людей, затрогивало его любознательность и вызывало его на размышленія. Когда бл. Августинъ, выясняя значеніе воли въ ощущеніяхъ, съ живостью описываетъ жадность и самозабвеніе, съ которыми душа младенца стремится къ воспріятію объектовъ внѣшняго міра ⁶⁾; когда онъ объясняетъ уподобленіе воспринимающаго органа воспринимаемому объекту страстнымъ стремленіемъ къ послѣднему души, побуждающимъ ее отпечатлѣвать образъ любимаго въ самомъ тѣлѣ своемъ ⁷⁾; когда онъ утверждаетъ, что душа, поглощенная страстью къ внѣшнему предмету, хотѣла бы никогда не разставаться съ нимъ и для этого унести его съ собою въ область безтѣлеснаго, но, не будучи въ состо-

1) Ibid. IV, 30.

2) Ibid. IV, 4—6.

3) Ibid. VII, 8—10.

4) Ibid. VII, 13—23.

5) Ibid. VII, 24—27.

6) De Trinit. XVI, 7.

7) Ibid. XI, 5.

яніи сдѣлать этого, создаетъ по крайней мѣрѣ ея безплотный образъ и помѣщаетъ его въ своей памяти ¹⁾, то въ этихъ психологическихъ теоріяхъ намъ слышится нѣчто автобіографическое. Это, очевидно, не болѣе, какъ слабый отзвукъ очарованія, съ которымъ чувство автора отдавалось окружающей дѣйствительности въ ту пору, „когда намъ новы всѣ впечатлѣнья бытія“. На страницахъ его сочиненій во множествѣ разсѣяны слѣды тонкой наблюдательности и поглощающаго интереса къ явленіямъ, часто незамѣтнымъ и обыденнымъ. Изъ нихъ мы видимъ, какъ умъ его ищетъ для себя питанія въ великой книгѣ природы и приходитъ въ дѣятельное состояніе подъ вліяніемъ идущихъ отсюда возбужденій. Бл. Августинъ сознается, что у него нѣтъ силъ оторвать свои взоры отъ собаки, преслѣдующей зайца, или отъ ящерицы, охотящейся за мухами ²⁾. Когда онъ впервые познакомился съ магнитомъ и увидѣлъ, какъ магнетическая сила передается отъ одного желѣзнаго кольца къ другому, его изумленіе предъ этимъ явленіемъ было настолько велико, что граничило съ ужасомъ ³⁾. Рыбы въ цѣлебныхъ источникахъ, слѣдующія за гуляющей публикой въ надеждѣ получить отъ нея обычную подачку, убѣждаютъ Августина въ наличности памяти у низшихъ животныхъ ⁴⁾. Своимъ проницательнымъ взоромъ онъ слѣдитъ за проявленіями злобныхъ и завистливыхъ чувствъ въ грудномъ младенцѣ, блѣднѣющемъ при видѣ другого ребенка на груди своей кормилицы ⁵⁾, и наблюдаетъ, какъ дѣти, еще совершенно лишенныя разума и языка, по запаху отличаютъ кормилицу отъ другихъ женщинъ ⁶⁾. Бой двухъ задорныхъ пѣтуховъ приковываетъ къ себѣ его вниманіе и даетъ тему для бесѣды съ учениками о разумности, красотѣ и законосообразности природы, руководимой высшею мудростью ⁷⁾. Посвящая, по своему обыкновенію, часть ночи молчаливымъ размышленіямъ въ постели, онъ слышитъ при водворившейся

¹⁾ Ibid. X, 7.

²⁾ Confes. X, 56—57.

³⁾ De Civ. Dei XXI, 4, 4.

⁴⁾ De Genes. ad litt. III, 12.

⁵⁾ Confes. I, 11.

⁶⁾ De quant. anim. 54.

⁷⁾ De ordine I, 25.

типинъ за стѣнами своей спальни то прерывающееся на нѣсколько мгновений, то снова возобновляющееся журчаніе ручейка. Сначала только слухъ его отдается этой элементарной мелодіи природы, но вслѣдъ за этимъ въ умъ всплываетъ вопросъ о причинѣ неравномѣрной перемежаемости звуковъ, а отъ него Августинъ постепенно переходитъ къ обсужденію проблемы всеобщей связи причинъ и слѣдствій, служащей орудіемъ Промысла Божія въ мірѣ ¹⁾. Видъ многоножки, которую одинъ изъ его учениковъ перенесъ на свою доску и разсѣкъ стилемъ пополамъ, при чемъ обѣ половины животнаго совершали свои движенія съ тою же быстротою и правильностью, съ какой и цѣлое животное, всецѣло захватываетъ его. Онъ присоединяется къ юношамъ и вмѣстѣ съ ними производитъ дальнѣйшіе опыты, раздѣляя насѣкомое на болѣе мелкія части ²⁾. Жизнеспособность и независимость этихъ частей отъ цѣлаго выдвигаетъ предъ нимъ во всей его глубинѣ вопросъ о природѣ души, ея отношеніи къ тѣлу, ея недѣлимости. Съ величайшимъ вниманіемъ изслѣдуетъ онъ всѣ физическія свойства мандрагоръ, когда этотъ рѣдкій плодъ попадаетъ въ его руки, чтобы тѣмъ вѣрнѣе истолковать относящіяся къ нему слова Св. Писанія (Быт. XXX, 14) ³⁾. Замѣчательны по точности наблюденія и по отчетливости воспроизведенія всей обстановки описанія чудесныхъ исцѣленій, свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ бл. Августинъ ⁴⁾.

Еще болѣе интересовали Августина явленія внутренняго міра, человѣческая душа въ многообразіи ея проявленій. Необходимо было соединенія тонкой наблюдательности и остроты анализа внутреннихъ движеній духа, чтобы создать въ его лицѣ великаго, можетъ быть, единственнаго психолога древности. Въ этомъ отношеніи онъ далеко оставляетъ за собою какъ представителей виѣхристианской мысли, такъ и христианскихъ писателей. Какими бѣдными психологическимъ содержаніемъ представляются Эннеады Плотина по сравненію съ твореніями бл. Августина. Въ первыхъ разра-

¹⁾ Ibid. I, 6—7.

²⁾ De quant. anim. 62—63.

³⁾ Contr. Faust. XXII, 56.

⁴⁾ De Civ. Dei. XXII, 8, 3. Serm. 320—324.

ботана почти исключительно метафизическая психологія и при томъ подъ угломъ зрѣнія общихъ принциповъ неоплатонической философіи,—вопросы о природѣ души, ея происхожденіи и отношеніи къ тѣлу. Съ этой стороны психологія бл. Августина не оригинальна и стоитъ въ безспорной зависимости отъ неоплатониковъ. Но что касается подмѣты и анализа эмпирически данныхъ процессовъ душевной жизни, то здѣсь Плотинъ обнаруживаетъ рѣшительную слабость. Незначительнымъ количествомъ психологическихъ наблюдений, которыя все же встрѣчаются на страницахъ его сочиненій, онъ по большей части обязанъ Аристотелю. Наоборотъ, бл. Августинъ въ этомъ отношеніи болѣе всего приближается къ Аристотелю, но вполне независимъ отъ него, и отличается отъ Стагирита какъ большей интимностью своего психологическаго опыта, такъ и болѣе широкимъ полемъ зрѣнія. На ряду съ психическими процессами познавательнаго характера—ощущеніемъ, памятью и мышленіемъ,—онъ подвергаетъ тончайшему изслѣдованію движеніи и софистику человѣческихъ страстей.

Изъ церковныхъ писателей болѣе другихъ обнаруживаетъ интересъ къ вопросамъ психологіи Григорій Нисскій, но онъ тѣсно соприкасается съ Плотиномъ и ограничивается трактатами о происхожденіи и силахъ души. Немезію принадлежитъ специальное сочиненіе „О природѣ человѣка“, въ которомъ имѣется въ виду главнымъ образомъ душа, хотя удѣляется нѣкоторое вниманіе и тѣлу, его анатоміи и физиологіи. Но это довольно обширное сочиненіе составлено исключительно по книгамъ. Его авторъ, такъ пространно разсуждавшій о душѣ и ея силахъ и перечитавшій не мало относящихся сюда сочиненій, упустилъ изъ вида самое важное въ этомъ случаѣ: онъ ни разу не заглянулъ въ свою собственную душу. На всемъ протяженіи его труда нѣтъ ни одного интереснаго факта, ни одного замѣчанія, въ которомъ проявилась бы психологическая наблюдательность ¹⁾. То, чему придаетъ первостепенную важность современная эмпи-

¹⁾ *Nemesius Emesenus. De natura hominis. Migne. Ser. gr. t. XL, col. 504—817.* Русскій переводъ *О. С. Владимірскаго.* Почаевъ 1905 г. Его же изслѣдованіе Антропологія и космологія Немезія, еп. Емесскаго, въ ихъ отношеніи къ древней философіи и патристической литературѣ. Житомиръ 1912.

рическая психологія,—наблюденіе за дѣйствительнымъ теченіемъ душевной жизни и выясненіе значенія и взаимнаго вліянія слагающихъ ее моментовъ,—большая рѣдкость въ патристической литературѣ. Счастливое исключеніе составляютъ лишь аскетическія произведенія, и это стоитъ въ связи съ идеалами и задачами монашества. Для христіанскаго анахорета важно не дѣяніе, а источникъ, изъ котораго оно вытекаетъ. Онъ уединялся и замыкался въ себѣ, чтобы „очистить внутреннія стеклянницы“, чтобы достигнуть совершенной чистоты духа, неомрачаемой ни одною дурною мыслію, ни однимъ дурнымъ движеніемъ чувства или воли. Для достиженія этого необходима упорная борьба съ дурными мыслями и чувствами. Задача внутренняго очищенія сосредоточивала все вниманіе подвижника на внутреннихъ движеніяхъ духа, уединеніе и замкнутость этому содѣйствовали, необходимость борьбы съ грѣховными поползновеніями побуждала искать точекъ приложенія для воли и средствъ, которыя давали бы возможность владѣть воображеніемъ и всевозможными видами похоти. Неудивительно, что въ этихъ условіяхъ изощрялась психологическая наблюдательность ¹⁾. Но психологія страстей, разработанная въ аскетической литературѣ, есть дѣло скорѣе коллективнаго, чѣмъ индивидуальнаго творчества. Это—опытъ отцовъ, сокровища котораго тщательно собирались и сохранялись отчасти въ памяти духовныхъ руководителей монашества, отчасти въ различныхъ сборникахъ и спеціальныхъ аскетическихъ произведеніяхъ. Однако, и въ психологіи страстей Августинъ оригиналенъ. Въ той же мѣрѣ, какъ и аскетовъ, его интересуеетъ взаимоотношеніе душевныхъ силъ, образованіе привычекъ и пристрастій, но кромѣ этого онъ даетъ изумительный по тонкости анализъ мотивовъ, повлекшихъ за собою тотъ или другой конкретный поступокъ. Исповѣдь бл. Августина изобилуетъ такими психологическими трактатами. Они настолько многочисленны и подробны, что нерѣдко наносятъ извѣстный ущербъ литературной формѣ этого единственнаго въ своемъ родѣ произведенія, разрывая связность историческаго повѣствованія о пережитой авторомъ религіозной драмѣ, и читателю, за-

¹⁾ Совѣты аскетовъ въ психологическомъ освѣщеніи см. въ нашемъ изслѣдованіи Естественный нравственный законъ. Сергіевъ посадъ 1897.

интересованному послѣдней, иногда кажутся длинными и досадными отступленіями. Таково, напр., его размышленіе о мотивахъ, побудившихъ его въ дѣтствѣ вмѣстѣ съ сверстниками украсть груши изъ сосѣдняго сада ¹⁾. Наоборотъ, съ захватывающимъ интересомъ читается его описаніе послѣдней борьбы, завершившейся полнымъ измѣненіемъ его личности ²⁾. Много тонкихъ наблюденій касательно вкрадчивости страстей, отуманивающихъ умъ и затемняющихъ чистоту нравственнаго сужденія, мы находимъ въ десятой книгѣ Исповѣди, гдѣ бл. Августинъ описываетъ нравственное состояніе, создавшееся въ немъ послѣ обращенія ³⁾. Такъ, хотя бл. Августинъ не оставилъ спеціальнаго сочиненія по психологіи, но для него характерна психологическая постановка догматическихъ и нравственныхъ вопросовъ и ихъ психологическое освѣщеніе.

Всѣми своими приобрѣтеніями въ области психологіи бл. Августинъ обязанъ необыкновенной способности къ самоанализу. Его умъ охотно обращался къ собственнымъ душевнымъ переживаніямъ, искалъ для нихъ объясненія. И удивительнѣе всего то, что бурныя волненія чувства, которымъ онъ легко поддавался, не только не поглощали всѣхъ силъ его души и не подавляли его рефлексій, а едва ли даже не возбуждали ее. Какъ бы ни былъ силенъ охватившій его аффектъ, его умъ непремѣнно становился въ положеніи наблюдателя и судьи надъ возникшимъ чувствомъ. Страстный любитель театра въ юности, Августинъ съ увлеченіемъ отдается зрѣлищамъ и въ то же время размышляетъ о природѣ и отличительныхъ свойствахъ эстетическихъ волненій ⁴⁾. Умираетъ его другъ, товарищъ дѣтскихъ игръ и первый избранникъ его сердца. Казалось, что солнце померкло, и на весь міръ легло черное покрывало. Все, что напоминало друга, стало несноснымъ и причиняло невыразимыя страданія. Но среди вздоховъ и отчаянія Августинъ не перестаетъ взвѣшивать свою тоску, стараясь выяснить, могъ-ли бы онъ пожертвовать своею жизнію ради спасенія такъ горячо лю-

¹⁾ Confes. II, 9—14. 17.

²⁾ Ibid. VIII, 16—29.

³⁾ Ibid. X, 41—64.

⁴⁾ Ibid. III, 2—4.

бимаго друга, и почему это слезы и стоны, выраженія наших страданій, бываютъ такъ сладки и пріятны въ минуты бѣдствій ¹⁾. Въ критическій моментъ внутренней борьбы, о которомъ мы уже упомянули, бл. Августинъ находился въ величайшемъ возбужденіи, и тѣмъ не менѣе онъ запомнилъ малѣйшія подробности этого знаменательнаго момента: мысли, волновавшія его, перемѣну мѣста, свое внѣшнее состояніе, тонъ, которымъ было сказано то или другое замѣчаніе. Даже въ моментъ этого пламеннаго порыва онъ не переставалъ наблюдать за собой ²⁾. Въ Кассиціакѣ, растроганный сладостью Писанія, онъ съ большимъ волненіемъ читаетъ псалмы, и тѣмъ не менѣе его не оставляетъ мысль о томъ, какъ бы было хорошо, если бы въ этотъ моментъ кто-нибудь изъ его прежнихъ друзей, манихеевъ, тайно подсмотрѣлъ выраженіе лица, съ которымъ онъ произноситъ эти священныя гѣснопѣнія, и подслушалъ тонъ его голоса ³⁾.

Съ интересомъ слѣдя за теченіемъ собственной душевной жизни, бл. Августинъ не упускалъ случая ближе познакомиться съ рѣдкими психическими состояніями, пережитыми другими людьми. Такъ онъ лично наблюдалъ людей, находившихся въ бреду и не отличавшихъ присутствующихъ лицъ отъ созданій своего болѣзненнаго воображенія ⁴⁾. На основаніи личнаго впечатлѣнія онъ описываетъ экстазъ одного простолюдина, случившійся въ его присутствіи ⁵⁾. Въ другихъ случаяхъ онъ очень подробно разспрашивалъ очевидцевъ явленія. Вѣроятно, со словъ близкихъ онъ описываетъ нѣсколько случаевъ ясновидѣнія больныхъ и одержимыхъ ⁶⁾. Со словъ братій, пользовавшихся его полнымъ довѣріемъ, онъ рассказываетъ о пресвитерѣ Ресститутѣ, который произвольно могъ погружаться въ каталептическое состояніе подъ звуки, подражающіе плачущему человѣку, при чемъ переставалъ ощущать боль уколовъ и ожоговъ, но голоса говорившихъ громко слышалъ какъ бы издали ⁷⁾.

¹⁾ Ibid. IV, 9—13.

²⁾ Ibid. VIII, 19. 28.

³⁾ Ibid. IX, 8.

⁴⁾ De Genes. ad. litt. XII, 25.

⁵⁾ Ibid. XII, 4.

⁶⁾ Ibid. XII, 35—38.

⁷⁾ De Civ. Dei XIV, 24, 2.

Съ какою тщательностью старался онъ установить фактъ въ его подлинномъ видѣ, показываетъ одинъ случай. Два года спустя послѣ событія, онъ узналъ отъ одного изъ своихъ друзей о любопытныхъ грезахъ, которыя испыталъ больной въ состояніи летаргіи. Заинтересованный этимъ, бл. Августинъ постарался познакомиться съ этимъ человѣкомъ и выслушалъ отъ него самого тотъ-же рассказъ. Опасаясь, однако, что память могла измѣнить рассказчику, онъ отыскалъ свидѣтелей, которые установили, что больной и подъ впечатлѣніемъ только что пережитого описывалъ испытанное имъ состояніе въ томъ же видѣ, въ какомъ предавалъ теперь ¹⁾. Конечно, бл. Августинъ былъ человѣкомъ своей эпохи и не всегда относился къ ходячимъ рассказамъ съ тою критической осторожностью, съ какой отнесся бы къ нимъ въ наше время ученый его ума и образованія. Такъ, хотя и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, хотя и съ предупрежденіемъ, что для него вполне достовѣрно лишь наблюдавшееся лично или удостовѣренное свидѣтелями, въ правдивости которыхъ нельзя сомнѣваться ²⁾, однако онъ воспроизводитъ не мало естественно-научныхъ сказокъ Плинія ³⁾. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ не прочь принять за чистую монету фавулу Золотого осла Апулея и полагаетъ, что въ основѣ рассказовъ о превращеніи людей въ животныхъ лежатъ нѣкоторыя субъективныя ощущенія ⁴⁾. Но въ концѣ концовъ важно не то, чего достигаетъ бл. Августинъ, а то, чего онъ хотѣлъ достигнуть, важно его стремленіе установить фактъ съ возможной объективностью.

Въ эмоціоанальной жизни бл. Августина преобладали нѣжныя чувства. Внѣшнимъ образомъ это выражалось въ томъ, что волнующія впечатлѣнія легко вызывали у него слезы. Судьба Дидоны, ея жалобы и смерть, описанныя Виргиліемъ, трогаютъ его до слезъ ⁵⁾. Онъ плачетъ въ театрѣ при видѣ страданій несчастныхъ любовниковъ ⁶⁾. Когда умеръ

¹⁾ De cura pre mort. gerend. 15.

²⁾ De Civ. Dei XXI, 7, 2.

³⁾ Ibid. XXI, 5.

⁴⁾ Ibid. XVIII, 18.

⁵⁾ Confes. I, 20—21.

⁶⁾ Ibid. III, 2—4.

его другъ, онъ находилъ утѣшеніе только въ слезахъ ¹⁾. Въ рыданіяхъ совершилось его второе, духовное рожденіе ²⁾. Чтеніе Псалтири вызываетъ у него слезы ³⁾. Онъ постигаетъ теперь всю сладость слезъ молитвы и на опытѣ убѣждается, что онѣ безмѣрно превосходятъ удовольствіе слезъ, которыя онъ когда то проливалъ въ театрѣ ⁴⁾. Глубоко въ природѣ человѣка таится звѣрь, обычно обузданный и укрощенный, но по временамъ дающій о себѣ знать, особенно при видѣ крови и страданій. Таковы удовольствія охоты и жестокихъ зрѣлищъ. Бл. Августинъ рассказываетъ удивительный случай про своего друга, Алипія, дающій наглядное понятіе о живучести хищныхъ инстинктовъ. Этотъ талантливый юноша сначала очень увлекался циркомъ, но подъ вліяніемъ одной лекціи Августина, въ которой послѣдній осмѣивалъ подобныя забавы, пересталъ посѣщать его. Позднѣе, въ Римѣ, противъ своего желанія онъ былъ увлеченъ товарищами въ амфитеатръ. Но онъ далъ себѣ слово не открывать глазъ, чтобы не быть свидѣтелемъ гладіаторскаго боя. Однако выполнить это намѣреніе оказалось не такъ легко: внезапно раздавшійся ударъ и крикъ одобренія возбудили въ молодомъ человѣкѣ любопытство и заставили его невольно взглянуть на арену. Видъ поверженнаго бойца и льющейся крови мгновенно опьянилъ его. Утративъ власть надъ собою, онъ не могъ уже ни закрыть глазъ, ни отвести ихъ отъ кроваваго зрѣлища. Слившись съ толпой въ общемъ настроеніи, онъ сталъ издавать тѣже крики одобренія и бѣшено рукоплескать бойцу. Съ этой минуты бой гладіаторовъ сталъ его любимымъ развлеченіемъ ⁵⁾. Бл. Августинъ никогда не испыталъ искушеній жестокости. Его не привлекалъ ни циркъ, ни амфитеатръ. Но онъ пристрастился въ Карфагенѣ къ театру и въ особенности любилъ пьесы, которыя задѣвали нѣжныя струны его души ⁶⁾.

Эстетическое сочувствіе къ страданіямъ въ ихъ художественномъ изображеніи, такъ ярко выразившееся въ Авгу-

1) Ibid. IV, 9—12.

2) Ibid. VIII, 28—29.

3) Ibid. XI, 9.

4) Enar. in Ps. 127, 10.

5) Confes. VI, 13.

6) Ibid. III, 2. 4.

стинѣ, отнюдь не указываетъ, однако, на сентиментальное преобладаніе въ его характерѣ чувствъ жалости и состраданія. Напротивъ, эта черта въ немъ до такой степени отсутствовала, что при чтеніи его сочиненій иногда кажется, что онъ слишкомъ разсудочно относился къ реальнымъ бѣдствіямъ, которыми полонъ міръ. Можно видѣть неизбежность, необходимость, даже пользу страданій и все же содрагаться предъ ними. Въ бл. Августинѣ оправданныя страданія не возбуждали горечи.

Древнему міру далеко не чуждо было сострадательное и сочувственное отношеніе къ животнымъ. Оно развивалось въ земледѣльческихъ условіяхъ жизни на почвѣ сотрудничества человѣка съ домашнимъ скотомъ. Убой вола-пахаря, помощника въ обработкѣ полей, ощущался какъ предательство. Беззащитность животныхъ возбуждала жалость въ натурахъ болѣе тонкихъ ¹⁾. Сочиненіе Порфирія *De abstinence* проникнуто духомъ живой симпатіи къ животнымъ и во многомъ близко напоминаетъ современные чувства, благодаря которымъ такъ широко распространяется вегетарианство. Правда, его отрицательное отношеніе къ употребленію въ пищу мяса отчасти вытекало изъ аскетическихъ соображеній. Тѣло враждебно духу и препятствуетъ его соединенію съ Богомъ; поэтому нужно отказаться отъ всего, что утучняетъ плоть, въ томъ числѣ и отъ мясной пищи ²⁾. Но помимо этой аскетической тенденціи, трактатъ Порфирія проникнутъ живымъ чувствомъ родства человѣка съ міромъ животныхъ и стремится доказать, что животныя надѣлены способностью рѣчи, имѣютъ разумъ, могутъ учиться, не чужды добродѣтели ³⁾. Манихей, признававшіе одушевленность всей природы и вѣрившіе въ переселеніе душъ, приравнивали убой животныхъ и даже собираніе плодовъ съ растеній къ человѣкоубійству ⁴⁾. Но покровительство, которое оказывала ихъ религія животнымъ и растеніямъ, вытекало не столько изъ дуалистическихъ принциповъ, сколько изъ непосредственнаго ощущенія живой связи съ природой.

¹⁾ Schmidt. Ethik der alten Griechen. B. II, S. 93—96. Ovidius. Metamorphoses. Lib. XV, 120—126.

²⁾ Porphyrius, De abstinence. Ed. A. Nauck Lipsiae 1886. Lib. I, 29—57.

³⁾ Ibid. Lib. III, 2—13.

⁴⁾ De morib. manich. II, 54.

Какъ было отмѣчено уже бл. Августиномъ, оно скорѣе противорѣчить основнымъ положеніямъ манихейства, чѣмъ диктуется ими. Вѣдь если тѣла животныхъ созданы темными силами, чтобы тѣмъ вѣрнѣе поработить души и тѣмъ тѣснѣе связать ихъ съ матеріей, то всякое разрушеніе тѣлъ, равносильное освобожденію душъ, должно быть признано желательнымъ ¹⁾. Сами манихеи чувствовали, какъ трудно связать запрещеніе убивать животныхъ и срывать растенія съ принципами ихъ системы, и потому переходили отъ одного обоснованія этого запрещенія къ другому ²⁾. Такимъ образомъ, въ отношеніи манихеевъ къ растеніямъ и животнымъ слышится не логическая послѣдовательность системы, а наливное чувство общности жизни и страданій. Имъ казалось, что не только животныя, но и растенія имѣютъ умъ и чувство ³⁾, что растенія трепещутъ отъ боли, когда ихъ ломаютъ, а смоковница обливается молочными слезами, теряя свои плоды ⁴⁾. Бл. Августинъ раздѣлялъ взгляды манихеевъ, когда находился подъ ихъ вліяніемъ, но освободившись отъ него, сталъ видѣть въ ихъ отношеніи къ животнымъ лишь нелѣпое сумасбродство ⁵⁾. Вопросъ объ убійствѣ животныхъ для него былъ ясенъ: по отношенію къ нимъ у насъ не можетъ быть никакихъ обязанностей, потому что они не принадлежатъ къ нашему обществу ⁶⁾. Конечно, ставъ вѣрнымъ сыномъ католической церкви, бл. Августинъ не могъ удержатъ манихейскихъ вѣрованій касательно происхожденія животныхъ, присутствія въ нихъ разумной души, переселенія душъ, не могъ также осудить убой скота и употребленіе въ пищу мяса, которое благословилъ Самъ Богъ и разрѣшаетъ церковь, но съ этимъ не несовмѣстимо чувство состраданія къ животнымъ. Францискъ Ассизскій не менѣе бл. Августина былъ вѣренъ церкви и, однако, животное было для него братомъ, а луна сестрой; онъ проповѣдовалъ рыбамъ, и птицы собирались, чтобы послушать его. Христіанскіе подвижники испѣляли больныхъ звѣрей и болѣли

1) Ibid. II, 59.

2) Ibid. II, 60—63. Contra Faust. VI, 3—8.

3) Ibid. II, 58. Expos. quar. propos. ex. epist. ad Rom. 53.

4) Contra Faust. VI, 4. De quant. an. 71. Confes. III, 18.

5) Confes. III, 18.

6) De morib. manich. II, 54. 59. De Civ. Dei. I, 20.

душой, размышляя объ ихъ страданіяхъ ¹⁾. Въ сочиненіяхъ бл. Августина мы не найдемъ ни малѣйшихъ слѣдовъ такого отношенія къ животнымъ.

Характеръ его настроенія не опредѣляется также преобладаніемъ чувствъ жалости и состраданія къ человѣческому горю. Разсуждая о бѣдствіяхъ, кровопролитіяхъ, казняхъ, неравенствѣ состояній и положенія въ обществѣ, онъ нерѣдко кажется жестокимъ. Церковь никогда не запрещала гражданской власти присуждать преступниковъ къ смертной казни и не протестовала противъ войны. Но, признавая неизбежность того и другого въ этомъ мірѣ, гдѣ господствуетъ грѣхъ, можно скорбѣть душой по поводу участи, которую самъ для себя заготовилъ преступникъ, и моря скорби и слезъ, которое рождаетъ война. Бл. Августинъ пишетъ по этимъ вопросамъ цѣлые трактаты съ холоднымъ спокойствіемъ. Объ ужасахъ варварскаго нашествія онъ говоритъ невозмутимо, какъ стоикъ, разсматривая ихъ единственно со стороны нравственной пользы для истиннаго христіанина ²⁾. Въ вопросѣ о суровости наказаній и жестокостяхъ войны въ Ветхомъ Завѣтѣ онъ совершенно устраняетъ точку зрѣнія состраданія. Порицать войну за то, что она причиняетъ смерть людямъ, которые и безъ того когда-нибудь должны умереть, значить, по его мнѣнію, обнаруживать свою боязливость, а не благочестіе ³⁾. Бл. Августинъ и по долгу христіанской совѣсти и по обязанностямъ епископскаго служенія бралъ, конечно, подъ свою защиту бѣдныхъ, обиженныхъ, страждущихъ и принималъ мѣры къ тому, чтобы облегчить ихъ положеніе. Но все это имѣло совершенно второстепенное значеніе въ его общественной дѣятельности и не было выраженіемъ преобладающаго элемента въ его внутреннемъ настроеніи. Въ этомъ отношеніи его проповѣди не имѣютъ ничего общаго съ бесѣдами Іоанна Златоуста, защитника осужденныхъ гражданскимъ судомъ, покровителя бѣдныхъ и ходатая за нихъ предъ богатыми, заступника рабовъ и прислуги, проповѣдника милостыни, который своей настоя-

¹⁾ *Amelineau*. Histoire des monasteres de la Basse-Egypte. Texte copte et traduction français. Paris 1894 p. 235—238.

²⁾ De Civ. Dei, Lib. I.

³⁾ C. Faust. XXII, 74.

чивой защитой обиженных и обдѣленных навлекъ на себя негодованіе высшихъ классовъ и изгнаніе ¹⁾).

Жизнь сердца бл. Августина характеризуется не преобладаніемъ состраданія и жалости, а господствующимъ положеніемъ, которое въ немъ занимала любовь. Жалость представлялась Августину лишь помѣхой въ стремленіи ума къ истинѣ, препятствующей ему установить истинную цѣнность явленій соціального характера. Не состраданіе, а любовь, руководимая разумомъ, давала содержаніе его внутренней жизни, и только въ любви искалъ онъ счастья. Состраданіе связываетъ до извѣстной степени живыя существа, но не создаетъ полноты жизненнаго общенія. Жалость побуждаетъ насъ идти на помощь лишь къ тѣмъ, кто страдаетъ, и лишь тогда, когда эти страданія ими испытываются. Въ этого связующаго момента мы можемъ оставаться глубоко равнодушными и безразличными къ личности тѣхъ, кому оказывали помощь по мотивамъ сердечнаго участія къ ихъ горю. Любовь, наоборотъ, выражается въ полнотѣ и всесторонности жизненнаго общенія. Это—длительный союзъ людей, отдающихъ другъ другу свою душу и тѣло. Такая именно способность всецѣло отдаваться предмету любви и въ этомъ черпать наслажденіе болѣе всего и характеризуетъ эмоціональную жизнь бл. Августина. Уже въ ранней юности для него становится девизомъ любить и быть любимымъ. Правда, животворное пламя любви онъ оскверняетъ похотью, но уже и въ эту пору физическое обладаніе было для него не главнымъ и единственнымъ, а скорѣе дополнительнымъ элементомъ въ томъ всестороннемъ общеніи, къ которому онъ стремился ²⁾. Даже въ той любви, о которой онъ здѣсь упоминаетъ, онъ искалъ дружбы, полнаго сліянія въ чувствахъ и мысли. Естественно, что эти черты его сердечныхъ исканій могли получить несравненно болѣе полное выраженіе въ его любви къ матери и въ дружбѣ.

Духовная рознь между родителями и дѣтьми, которую въ настоящее время мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу, обыкновенно не убиваетъ всецѣло ихъ взаимной привязанности.

¹⁾ См. нашу брошюру Св. Іоаннъ Златоустъ и его враги. Сергіевъ Посадъ 1908.

²⁾ Confes. III, 1.

Отсутствіе нравственной связи восполняется нѣжностью, бережно относящейся къ душевнымъ силамъ родителей, уже надломленнымъ неизбѣжными бурями жизни. Въ отношеніяхъ Августина къ матери выдается не эта снисходительная нѣжность, а любовь, которую можетъ внушать лишь единство и общность идеальныхъ стремленій. Предъ самой своей кончиной, тронутая заботами сына, Монника ¹⁾ говорила ему, что никогда не слышала изъ устъ его ни одного грубаго или оскорбительнаго слова ²⁾. Но самъ бл. Августинъ рассказываетъ объ одномъ жестокомъ поступкѣ, который однажды онъ позволилъ себѣ по отношенію къ матери. Это было въ то время, когда онъ готовился покинуть Карфагенъ и отплыть въ Римъ. Мать не могла разстаться съ сыномъ и неотступно слѣдовала за нимъ до самой пристани, съ тѣмъ, чтобы или отговорить его отъ переселенія на чужбину, или слѣдовать за нимъ въ Италію. Но ни то, ни другое не входило въ планы Августина, и онъ рѣшилъ уѣхать отъ матери тайно. Подъ тѣмъ предлогомъ, что ему необходимо остаться наединѣ съ отъѣзжающимъ другомъ, онъ уговорилъ ее предоставить ему свободу и провести ночь въ церкви, посвященной памяти св. Кипріяна, находившейся близъ пристани, а самъ въ ту же ночь сѣлъ на корабль и, не попрощавшись съ матерью, отправился на сѣверъ. Легко представить скорбь и негодованіе обманутой любви и материнской нѣжности, когда на другой день все обнаружилось. Но бл. Августинъ вспоминаетъ объ этомъ случаѣ безъ особенной горечи и раскаянія. Его отъѣздъ въ концѣ концовъ привелъ къ тому, о чемъ такъ пламенно молилась сама же Монника,—къ его обращенію, а скорбь, которую она перенесла, была праведнымъ наказаніемъ за плотскую любовь къ сыну, превышающую должную мѣру ³⁾. Оправданныя страданія и здѣсь не тревожатъ его. Любовь бл. Августина къ матери основывалась на уваженіи къ постоянству ея молитвъ, къ ея вѣрѣ и христіанскимъ добродѣтелямъ, къ ея мужеству, терпѣнію и уму. Но мѣрѣ того, какъ Августинъ приближался къ церкви, между нимъ и матерью все болѣе и болѣе возрастала

¹⁾ Ibid. IX, 30.

²⁾ Такъ пишется это имя въ рукописяхъ.

³⁾ Ibid. V, 15.

духовная связь, единство религиозно-нравственного настроения и общность стремлений, нашедшія для себя яркое выраженіе въ ихъ уединенной бесѣдѣ въ Остіи, описанной бл. Августиномъ съ такою захватывающей силою чувства. Послѣ утомительнаго путешествія изъ Милана, они 'отдыхали въ Остіи, чтобы собраться съ силами и продолжать путь на кораблѣ въ Кареагенъ. Здѣсь, оставшись вдвоемъ и наклонившись къ окну, выходившему въ садъ, они слились душою въ общемъ чувствѣ тѣлѣнности всего земного и предвкушенія небесныхъ утѣшеній ¹⁾.

У бл. Августина всегда было много преданныхъ друзей, жизнь безъ дружественныхъ связей представлялась ему пустой и лишенной всякой цѣнности. Дружба была для него тѣснѣйшимъ общеніемъ во всемъ, что касается души и тѣла, благъ идеальныхъ и чувственныхъ ²⁾. О духѣ, царившемъ въ дружескомъ кружкѣ, въ центрѣ котораго онъ стоялъ, можно судить по слѣдующему описанію. „Было и другое, рассказываетъ Августинъ, что еще болѣе увлекало мою душу, въ обществѣ друзей: мы вмѣстѣ бесѣдовали и шутили, оказывали другъ другу благожелательныя услуги; вмѣстѣ читали краснорѣчивыя книги, вмѣстѣ болтали, и относились другъ къ другу съ взаимнымъ уваженіемъ; иногда мы не сходились во мнѣніяхъ, но безъ ненависти, а такъ, какъ человѣкъ бываетъ не согласенъ самъ съ собою, и изъ этихъ очень рѣдкихъ разногласій рождалось еще большее согласіе; мы учили другъ друга и учились другъ отъ друга, съ нетерпѣніемъ ждали отсутствующихъ и съ радостью встрѣчали проходящихъ. Этими и подобными знаками любви и взаимности, выражавшимися въ лицѣ, въ словахъ, въ глазахъ и во множествѣ самыхъ пріятныхъ движеній, души сплавлялись какъ бы въ пламени и изъ многихъ становились одной“ ³⁾. Всякое наслажденіе, не раздѣленное съ друзьями, утрачивало для Августина привлекательность ⁴⁾. Предаваясь утѣхамъ чувственной любви, онъ склоняется къ тому же и своего друга, цѣломудреннаго Алипія, и почти

¹⁾ Ibid. IX, 23—26.

²⁾ Ibid. IV, 13.

³⁾ Ibid. IV, 13.

⁴⁾ Ibid. VI, 26.

достигаетъ цѣли, возбуждивъ въ немъ крайнее любопытство ¹⁾. Но еще болѣе для него было необходимо участіе друзей въ идеальныхъ благахъ, ихъ единомысліе во взглядахъ на жизнь и цѣли человѣческаго существованія. Вслѣдствіе этого онъ не могъ не говорить съ близкими о томъ, что его особенно сильно занимало. Поглощенный какой либо новой идеей, онъ начиналъ развивать ее предъ своими друзьями, приводилъ доказательства, спорилъ и, наконецъ, увлекалъ ихъ за собою. Вслѣдствіе этого его ближайшіе друзья прошли тѣ же стадіи развитія, что и самъ онъ. Присоединившись къ сектѣ манихеевъ, Августинъ совращаетъ въ ересь своего юнаго друга въ Тагастѣ, имя котораго остается намъ неизвѣстно ²⁾, Алиція ³⁾, Гонората ⁴⁾ и даже Романіана, хотя послѣдній былъ гораздо старше его и оказывалъ ему покровительство своими средствами и вліяніемъ ⁵⁾. Въмѣстѣ съ Августиномъ присоединились къ церкви и его друзья ⁶⁾. Въ Кассиціакѣ бл. Августинъ обсуждаетъ съ друзьями и учениками начала неоплатонической философіи, о чемъ краснорѣчиво говорятъ его діалоги, переработанные изъ стенографическихъ записей бесѣдъ, которыя велись здѣсь по различнымъ философскимъ вопросамъ. Однако, бл. Августинъ отнюдь не подавлялъ преданныхъ ему людей своимъ умственнымъ превосходствомъ, и согласіе съ нимъ не было непременнымъ условіемъ его дружбы. Нѣжнѣе всѣхъ любилъ онъ Небридія, но послѣдній былъ рѣшительнымъ противникомъ его астрологическихъ и манихейскихъ увлеченій ⁷⁾.

Отношенія между друзьями были искренни и исполнены готовности къ взаимнымъ услугамъ и жертвѣ. Когда миланскій грамматикъ Верекундъ, принадлежавшій къ тому же интимному кружку, почувствовалъ нужду въ помощникѣ, которому могъ бы вполне довѣрять, и потребовалъ по праву дружбы, чтобы кто-нибудь изъ членовъ кружка взялъ на себя эти обязанности; ихъ принялъ на себя, по просьбѣ дру-

¹⁾ Ibid. VI, 21—26.

²⁾ Ibid. IV, 7—8.

³⁾ Ibid. VI, 12.

⁴⁾ De utilit. cred. 2.

⁵⁾ Contr. Acad. II, 3—6.

⁶⁾ Confes. VIII. 30. IX. 5. 6.

⁷⁾ Ibid. IV, 6; VII, 3.

зей, Небридій, хотя по своему образованію легко могъ бы получить болѣе видное положеніе ¹⁾. Одно время друзья серьезно обсуждали планъ коммуны, которая дала бы имъ возможность, отказавшись отъ общественной дѣятельности, всецѣло отдаться философіи. Имъ казалось, что они были бы свободны отъ всякихъ заботъ о своемъ обезпеченіи, если бы соединили вмѣстѣ свои личныя средства и сдѣлали ихъ общимъ достояніемъ ²⁾. Когда Августинъ отказался отъ должности преподавателя реторики въ Миланѣ, Верекундѣ, о которомъ мы упоминали, предоставилъ въ его полное распоряженіе свою виллу въ Кассиціакѣ, поручивъ ему и завѣдываніе всѣмъ хозяйствомъ ³⁾. Здѣсь Августинъ провелъ осень, зиму и часть весны въ 386—387 году вмѣстѣ съ матерью, сыномъ Адеодатомъ, братомъ Навигіемъ, двоюродными братьями Ластидіаномъ и Рустикомъ, другомъ Алипіемъ и учениками Тригеміемъ и Лиценціемъ ⁴⁾. Послѣ крещенія потребность въ обществѣ друзей, никогда не умолкавшая въ Августинѣ, получила иное направленіе. Теперь ему удалось осуществить ту коммуну, о которой онъ ранѣе мечталъ, но уже на евангельскихъ и церковныхъ началахъ. По возвращеніи изъ Милана въ Тагасту, онъ поселился съ своими друзьями на небольшомъ клочкѣ земли, полученномъ по наслѣдству отъ родителей. Частная собственность отсюда была изгнана. Въ тѣсномъ духовномъ общеніи друзья предавались посту, молитвѣ, изученію св. Писанія, религиознымъ созерцаніямъ, научнымъ занятіямъ и труду. Эта община напоминала монастырь, но члены ея не были связаны монастырскимъ уставомъ ⁵⁾. Неожиданно для себя избранный пресвитеромъ въ Иппонѣ, Августинъ тотчасъ же основываетъ здѣсь монастырь, воспользовавшись садомъ, принадлежавшимъ церкви и предоставленнымъ ему для этой цѣли мѣстнымъ епископомъ Валеріемъ. Сюда переселяются изъ Тагасты всѣ его друзья, и жизнь дружескаго кружка протекаетъ на тѣхъ же началахъ общенія имущества и ду-

¹⁾ Ibid. VIII, 13.

²⁾ Ibid. VI, 24.

³⁾ Ibid. IX, 5.

⁴⁾ De beat. vita 6.

⁵⁾ *Possidius Vita Augustini*. 3.

ховнаго единенія ¹⁾. Въ санѣ епископа Августинъ не могъ уже оставаться членомъ этого братства, потому что обязанности его служенія требовали постоянного сношенія съ людьми, имѣвшими въ немъ нужду, и пріемовъ по долгу гостепріимства. Все это должно было нарушать тишину монастырской жизни. По этимъ соображеніямъ онъ учредилъ новое общежитіе при епископскомъ домѣ изъ всѣхъ мѣстныхъ клириковъ. Здѣсь воцарился тотъ же духъ. Никто не имѣлъ частной собственности. Все было общее. Бл. Августинъ раздѣлялъ съ своими клириками столъ и ни въ чемъ не хотѣлъ отъ нихъ отличаться ²⁾. Такъ въ теченіе всей своей жизни онъ не могъ обходиться безъ дружбы, безъ полного жизненнаго общенія съ близкими и любимыми. Послѣ его обращенія изъ этого естественнаго источника развилась всепоглощающая любовь къ Богу, включившая въ себя и все то, что служило для него предметомъ любви ранѣе.

Склонность ума Августина къ конкретному, его глубокое, отзывчивое чувство и тонкое пониманіе внутреннихъ движеній души, создавали благопріятную почву для возникновенія и развитія въ немъ эстетическихъ способностей. Уже въ раннемъ дѣтствѣ ярко проявилась его эстетическая натура. Начатки грамоты—чтеніе, письмо, счетъ—были для него очень тяжелы, и онъ учился имъ съ большой неохотой. Таблица умноженія вызывала неодолимую скуку и была невыносима ³⁾. Особенное отвращеніе онъ питалъ къ греческой грамматикѣ ⁴⁾. Наоборотъ, онъ съ увлеченіемъ отдавался изученію литературныхъ образцовъ, съ которыми древняя школа соединяла преподаваніе грамматики. За похощеніями Энея онъ слѣдилъ съ (большимъ интересомъ, а лирическія части Энеиды возбуждали въ немъ сочувственное волненіе ⁵⁾. Неудивительно поэтому, что мальчикъ, живо воспринимающій содержаніе поэтической фабулы и чрезвычайно отзывчивый, надѣленный къ тому же хорошимъ органомъ рѣчи, былъ лучшимъ декламаторомъ въ школѣ,

¹⁾ Ibid. c. 5. Serm. 355, 2.

²⁾ Sermo 355 и 356.

³⁾ Confes. I, 22.

⁴⁾ Ibid. I, 20, 23.

⁵⁾ Ibid. I, 20—21.

прекрасно умѣлъ войти въ положеніе дѣйствующихъ лицъ и въ свободномъ изложеніи передать волнующія ихъ чувства ¹⁾. Забавные рассказы и всевозможныя зрѣлища было его страстью съ дѣтскихъ лѣтъ ²⁾, и онъ употреблялъ невѣроятныя ухищренія, чтобы, обманувъ бдительность родителей и воспитателей, доставить себѣ это запретное удовольствіе ³⁾. Позднѣе его увлекаетъ театръ ⁴⁾. Эстетическія наслажденія, которыя онъ такъ любилъ, направляютъ его мысль къ теоретическимъ изслѣдованіямъ въ области прекраснаго. Его первымъ литературнымъ трудомъ, не дошедшимъ до насъ, было сочиненіе *De pulchro et apto*, въ которомъ онъ пытался выяснить природу чувственной и духовной красоты ⁵⁾. Но сохранилось другое его произведеніе, относящееся къ эстетикѣ, *De musica*. Здѣсь онъ подробно говоритъ о прекрасномъ во времени и постепенно возводитъ мысль читателя отъ красоты тѣлесной къ ея принципу, отъ измѣняемаго къ неизмѣняемому. Вся философія бл. Августина носитъ на себѣ печать эстетическаго направленія его духа. На міръ, на всѣ явленія природы и исторіи онъ смотритъ преимущественно съ точки зрѣнія красоты. Выраженіемъ этого взгляда служить въ особенности его теодицея, но вопросъ о происхожденіи, сущности и видахъ зла имѣлъ для бл. Августина такое огромное значеніе, что съ нимъ въ той или другой степени связаны всѣ частности его системы. Поэтому характеръ его теодицеи даетъ понятіе объ особенностяхъ его мышленія вообще. Отличительныя черты доктрины лучше всего познаются изъ сопоставленія противоположностей. И основная идея теодицеи бл. Августина получаетъ особую опредѣленность изъ сравненія ея съ теодицеей другого знаменитаго христіанскаго учителя, такъ же положившаго вопросъ о злѣ въ основу всей своей системы, — Оригена. Точкой отправленія для теодицеи послѣдняго служатъ чисто моральныя идеи справедливости и благодати Божіей съ одной стороны и свободы разумной воли съ другой. Исходя изъ этихъ предположеній, онъ пытается примирить

¹⁾ Ibid. I, 21. 27.

²⁾ Ibid. I, 16.

³⁾ Ibid. I, 16.

⁴⁾ Ibid. III, 2.

⁵⁾ Ibid. IV, 20. 24—27.

чувство человѣка со всѣми видами зла—неравенствомъ въ распредѣленіи благъ, страданіемъ, смертію. Благодѣтель для Бога побужденіемъ дать бытіе разумнымъ существамъ ¹⁾. Но развѣ справедливость Божія могла допустить, чтобы однимъ духамъ, помимо всякихъ заслугъ съ ихъ стороны, было предоставлено для обитанія небо и сами они были надѣлены высокими преимуществами херувимовъ или серафимовъ, а другіе безъ всякой вины получили низшую человѣческую природу, были заключены въ матеріальное тѣло и созданы для жизни на землѣ, такъ далекой отъ свѣтлыхъ обитателей неба? ²⁾ Это казалось Оригену невѣроятнымъ, и онъ полагалъ, что Богъ по своей справедливости въ одинъ и тотъ же предвѣчный моментъ создалъ всѣхъ духовъ совершенно одинаковыми: Онъ всѣмъ имъ далъ равныя силы и совершенства, наполнилъ ихъ умъ и волю однимъ и тѣмъ же содержаніемъ ³⁾. Виды разумныхъ существъ и индивидуальныя различія въ предѣлахъ cadaго изъ этихъ видовъ возникли позже, какъ слѣдствіе свободного самоопредѣленія духовъ ⁴⁾. Изъ нихъ лишь одинъ единственный духъ никогда не согрѣшилъ предъ своимъ Создателемъ, но отъ вѣка пламенѣлъ неизмѣнною любовью къ Божественному Логосу и вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе входилъ въ Его свѣтъ и мудрость, пока, наконецъ, не соединился съ Нимъ ипостасно. Это—душа Христа. Всѣ прочіе духи согрѣшили, но не въ одинаковой степени. Отсюда и произошло ихъ неравенство. Первоначальное единство распалось. Духи, допустившіе лишь легкія прегрѣшенія, и утратили не много изъ своего первобытнаго совершенства. Соотвѣтственно степени своей вины они образовали нисходящую іерархію небесныхъ силъ: херувимовъ, серафимовъ, архангеловъ, ангеловъ. Совершившіе болѣе тяжкіе грѣхи обратились въ планетныхъ духовъ и были заключены въ тѣла, хотя и блистающія свѣтомъ, но все же видимыя. Люди—это тѣже первозданные духи, но еще болѣе удалившіеся отъ Бога и за это заключенные въ грубыя и смертныя

¹⁾ *Origenes*. De principiis. Ed. P. Koetschau Leipzig. 1913. Lib. IV. c. 4. 8.

²⁾ Ibid. Lib. II, c. 9. 3. 5.

³⁾ Ibid. II, c. 9. 6.

⁴⁾ Ibid. I, c. 1. 1; c. 5. 3. 5.

тѣла ¹⁾. Но и грѣхъ особей этого послѣдняго класса духовъ былъ не одинаковъ, поэтому сама природа надѣляетъ людей не въ одинаковой степени своими дарами; отсюда одни рождаются съ прекрасными умственными и нравственными задатками, здоровыми и красивыми, другіе глупыми, безобразными, злыми. Всѣ бѣдствія этой жизни и всѣ виды зла, окружающаго насъ,—не болѣе, какъ исправительныя наказанія, которыя въ концѣ концовъ должны возратить всѣхъ духовъ къ Богу и къ ихъ первоначальному единству, ибо милосердіе Божіе не мирится съ вѣчными страданіями своихъ твореній. Такова въ общихъ чертахъ теодицея Оригена ²⁾. Въ противоположность ей, теодицея бл. Августина построена не на моральныхъ идеяхъ благодати и справедливости, а имѣетъ своимъ центральнымъ понятіемъ идею красоты. Міръ прекрасенъ въ своихъ частяхъ и еще прекраснѣе въ цѣломъ ³⁾. То, что смущаетъ наше чувство, допущено въ природѣ по требованію красоты. При созданіи міра Творецъ руководился соображеніями пользы, но красоту Онъ ставилъ выше ея, поэтому въ человѣческомъ тѣлѣ есть члены красивые, но бесполезные, какъ борода у мужчинъ, но нѣтъ полезныхъ и безобразныхъ. Внутренніе органы, правда, не кажутся намъ изящными, но лишь потому, что умъ нашъ не видитъ ихъ цѣлесообразности и отношенія къ цѣлому ⁴⁾. Твари, созданныя Богомъ, не одинаковы по своему совершенству, но каждая прекрасна въ своемъ родѣ, а ихъ различіе необходимо въ интересахъ гармоніи универса, такъ какъ послѣдняя предполагаетъ мудрое сочетаніе разнообразія и единства ⁵⁾. Зло въ истинномъ смыслѣ, зло нравственное или грѣхъ, происходитъ не отъ Бога. Это—послѣдствіе отпаденія свободной воли разумныхъ тварей отъ Верховнаго

¹⁾ Ibid. I, c. 6, 2.

²⁾ Ученіе Оригена см. *Redepenning*. Origenes. Eine Darstellung seines Lebens und seiner Lehre, Bonn, 1841—1846. *F. Böhringer*, Kirchengeschichte in Biographien. B. I. Abth. 2. Hälfte 1. Zürich 1869. *W. Möller*, Geschichte der Kosmologie in der griechischen Kirche bis auf Origenes. Halle 1860. S. 536—560. *J. Denis*, Philosophie d'Origène. Paris 1884. *Ch. Bigg*, The Christian Platonists of Alexandria. Oxford 1886.

³⁾ Confes. XIII, 43. De Genes. ad litter. III, 36.

⁴⁾ De Civ. Dei XXII, 24, 4.

⁵⁾ De lib. arb. III, 13 Contr. advers. leg. et proph. I, 6. Contr. Faust. XXI, 4—5.

Блага. Богъ по своему всемогуществу, конечно, могъ бы предотвратить ихъ паденіе и, если этого не сдѣлалъ, то лишь потому, что предвидѣлъ, какую пользу Онъ извлечетъ изъ грѣха. Онъ попустилъ грѣхъ для того, чтобы украсить рядъ вѣковъ антитезами, какъ это свойственно прекрасному поэтическому произведенію, съ тѣмъ лишь различіемъ. что красота міра достигается противоположеніемъ не словъ, а вещей и дѣлъ ¹⁾. Такъ называемое физическое зло, всевозможныя естественныя бѣдствія и катастрофы—землетрясенія, наводненія, разрушительные ураганы—очень часто кажутся намъ нарушеніемъ порядка природы, въ дѣйствительности же они необходимы для благосостоянія міра, и изъ нихъ, какъ диссонансовъ, слагается красота и гармонія вселенной. Мы этого не видимъ и не понимаемъ, потому что нашъ кругозоръ слишкомъ узокъ. и умъ нашъ не улавливаетъ отношенія этихъ явленій къ цѣлому. Такъ, видя лишь нѣсколько камешковъ мозаики и не обнимая взоромъ всей картины, легко счесть ихъ сочетаніе безпорядочнымъ и неразумнымъ. Если бы статуя, помѣщенная въ одной изъ залъ дворца, могла разсуждать, для нея не была бы доступна красота всего зданія, и поэтому въ занимаемомъ ею мѣстѣ многое казалось бы ей страннымъ и безразсуднымъ ²⁾. Какъ незаслуженныя, такъ и заслуженныя страданія прекрасны. Когда огнемъ сожигается тѣло стойкаго человѣка, предпочитающаго муки безчестному поступку, предъ нами открывается несравненная духовная красота мужества и терпѣнія. Когда этой казни подвергается разбойникъ за свои жестокости, мы съ одобреніемъ видимъ осуществленіе порядка законовъ ³⁾. Страданіе согрѣшившей души есть видъ красоты, потому что она находится въ такомъ состояніи, въ какомъ ей должно быть. Несчастливая и бѣдствующая душа лучше и прекраснѣе удовлетвореннаго червяка, а сколько красоты даже въ тѣлѣ этого червяка, въ соотношеніи его членовъ и въ повиновеніи, которое оно оказываетъ своей душѣ ⁴⁾. Прекрасны и вѣчны наказанія отверженныхъ Богомъ духовъ, ибо что можетъ быть величественнѣе

¹⁾ De Civ. Dei XI, 18. De ordine I, 18.

²⁾ De Ord. I, 2. De Mus. VI, 30.

³⁾ De lib. arb. III, 28.

⁴⁾ De ver. rel. 77.

вздвимающагося и блистающаго свѣтомъ геенскаго огня? ¹⁾ Мы неразумно скорбимъ при видѣ смертности, которая господствуетъ въ области низшихъ благъ, пожираетъ животныхъ, лишаетъ насъ тѣхъ, кого мы любимъ. А между тѣмъ именно изъ этой непрекращающейся смѣны живыхъ существъ и вещей слагается ритмъ вселенной и красота въ теченіи вѣковъ. Исчезающія и вновь возникающія смертныя тѣла подобны отдѣльнымъ буквамъ и слогамъ въ пріятной пѣсенкѣ: для того, чтобы она могла произвести эстетическое впечатлѣніе въ цѣломъ, необходимо, чтобы части ея постоянно рождались и тотчасъ же умирали ²⁾. Такимъ образомъ бл. Августинъ ищетъ оправданія для всего тяжелаго и терзающаго наше сердце въ красотѣ, въ эстетическомъ пониманіи природы и жизни. Замѣчательно, что всѣ аналогіи, которыми онъ такъ охотно въ этомъ случаѣ пользуется, взяты изъ области искусства и особенно изъ области изящной литературы. Въ этомъ сказывается не только ея любитель, но и преподаватель теоріи краснорѣчія. Эстетическій характеръ теодицеи бл. Августина можно было бы отнести не столько на долю его личности я, сколько на счетъ вліянія неоплатонизма, если бы противъ этого не говорилъ примѣръ того же Оригена. Теодицея бл. Августина, дѣйствительно, очень близка къ неоплатонической, и нѣтъ сомнѣнія, что она сложилась подъ вліяніемъ философіи Плотина. Ученіе его неоплатоника о добрѣ и злѣ также проникнуто эстетическимъ духомъ. Но не нужно забывать, что и Оригенъ стоялъ въ зависимости отъ неоплатонизма. Правда, онъ не былъ знакомъ съ Эннеадами, но онъ былъ ученикомъ Аммонія Сакка, вдохновившаго также и автора Эннеадъ. Ученіе Аммонія не могло въ значительной степени отличаться отъ той философской системы, которую изложилъ письменно его знаменитый ученикъ. Хотя Оригенъ не читалъ Плотина, а былъ знакомъ лишь съ Аммоніемъ, однако въ своей метафизикѣ, въ своемъ ученіи о Богѣ и божественныхъ ипостасяхъ, въ своей космологіи и эсхатологіи онъ стоитъ гораздо ближе къ Плотину, чѣмъ бл. Августинъ, который читалъ его сочиненія. Это указываетъ на общность источ-

¹⁾ De Civ. Dei XII. 4. De nat. boni 38.

²⁾ De ver. rel. 42—43. Epist. 166. 13. Contr. epist. Fund. 47. Confes. IV. 15.

ника для философіи какъ александрійскаго учителя, такъ и и неоплатоника, а вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаетъ и въ томъ, что системы Аммонія и Плотина различались между собою лишь въ частности. Оригенъ, такимъ образомъ, былъ знакомъ съ теодиціей неоплатонизма не хуже Августина, но, въ силу особенностей своего индивидуальнаго характера, не усвоилъ ея эстетическаго элемента. Наоборотъ, бл. Августинъ проявилъ особую воспримчивость именно къ этому элементу.

Бываютъ добродѣтели, которыя глубоко коренятся въ какихъ-то первичныхъ основахъ личности и властно заявляютъ о своемъ существованіи прежде, чѣмъ подростающее дитя сознаетъ ихъ моральную цѣнность. Такой инстинктивной свѣжестью и непосредственностью отличалась правдивость бл. Августина. Школа, которую онъ прошелъ, менѣе всего могла способствовать развитію этой замѣчательной черты его характера. Гастонъ Буассе въ своей блестящей характеристикѣ Цицерона слѣдующими словами рисуетъ тлетворный духъ лжи, который господствовалъ въ школахъ риторовъ и прививался ихъ ученикамъ. „Адвокатъ прежнихъ временъ безразлично брался за всѣ дѣла, измѣнялъ мнѣнія при всякомъ процессѣ и считалъ для себя искусствомъ и славою находить доводы для подтвержденія всяческихъ софизмовъ. Молодой человѣкъ, обучившійся краснорѣчію въ древнихъ школахъ, никогда не слышалъ въ нихъ, что надо говорить только по убѣжденію и сообразно своей совѣсти. Ему говорили, что есть разнаго рода дѣла—честныя и нечестныя, но при этомъ не трудились прибавить, что нужно избѣгать послѣднихъ. Напротивъ, ему внушали желаніе заниматься ими по преимуществу, преувеличивая заслугу, состоявшую въ томъ, чтобы выиграть ихъ. Научивъ его, какъ защитить и спасти виновнаго, не колебались указать ему и на средства замарать и обезславить честнаго человека. Таково было воспитаніе, получаемое у риторовъ ученикомъ, который, вышедши изъ ихъ рукъ, не терялъ случая приложить къ дѣлу ихъ правила. Такъ онъ никогда не грѣшилъ тѣмъ, чтобы сохранить сколько-нибудь мѣры и сдержанности въ своихъ нападкахъ. Заставляя себя быть справедливымъ, онъ лишался бы одной изъ причинъ успѣха среди этой подвижной и страстной толпы, рукоплескавшей

сатирическимъ изображеніямъ и безпощаднымъ укорамъ. Въ школахъ учили тому, что даже по уголовнымъ дѣламъ надо выдумывать разныя пикантныя подробности для увеселенія слушателей... Наконецъ, древній адвокатъ ни къ чему такъ равнодушно не относился, какъ къ своимъ собственнымъ противорѣчіямъ. Говорятъ, что ораторъ Антоній никогда не давалъ записывать своихъ рѣчей изъ опасенія, чтобы ему не противопоставили сегодня его вчерашнихъ мнѣній¹⁾. Вліянію школы поддавали даже такіе выдающіеся люди, какъ Цицеронъ. Изъ христіанскихъ писателей ближе всѣхъ принялъ къ сердцу уроки риторовъ бл. Іеронимъ, и это составляетъ темную сторону его незауряднаго литературнаго таланта. Рѣзкія нападки на противниковъ въ его полемическихъ сочиненіяхъ, такъ непріятно поражающія современнаго читателя, крайности пера въ сочиненіяхъ противъ Руфина, смутившія въ свое время всѣхъ благомыслящихъ людей на Западѣ, преувеличенія въ доказательствѣ чисто церковнаго тезиса о преимуществахъ дѣвства въ сравненіи съ бракомъ въ сочиненіи *противъ Іовиніана*, побудившія друзей автора въ Римѣ скупать и уничтожать списки этого неудачнаго произведенія,—все это было не столько дѣломъ страстнаго темперамента Іеронима, сколько печальной данью, которую онъ заплатилъ воспитавшей его школѣ. Такъ сильно было ея вліяніе и такъ неизгладима печать, налагаемая ею на характеры. Но бл. Августинъ прошелъ чрезъ нее незапятнаннымъ въ этомъ отношеніи. Въ школу ритора онъ поступилъ еще совсѣмъ незрѣлымъ юношей, безъ образованія, безъ навыковъ, безъ твердыхъ нравственныхъ принциповъ. Сюда онъ принесъ съ собою только врожденную, инстинктивную прямоу духа и правдивость, въ которыхъ нашелъ достаточный оплотъ противъ всѣхъ соблазновъ школьной среды. Состоя въ дружественныхъ отношеніяхъ съ преподавателями и товарищами, раздѣляя ихъ заносчивость и самомнѣніе, онъ не терпѣлъ ихъ легкомысленнаго и поверхностнаго отношенія къ истинѣ, съ отвращеніемъ смотрѣлъ на пріемы полемики, которые здѣсь рекомендовались, и на издѣвательства надъ неопытнымъ чистосердечіемъ, въ кото-

¹⁾ Г. Буассе. Цицеронъ и его друзья. Москва 1880. Стр. 37—39.

ромъ черпали зложелательное наслажденіе ¹⁾. Когда онъ самъ сталъ преподавателемъ краснорѣчія въ Карфагенѣ, то постарался дать своимъ урокамъ совершенно другое направленіе и влить въ нихъ совершенно другой духъ. Онъ внушалъ своимъ слушателямъ, что они никогда не должны обращать своего искусства хорошо говорить противъ невиннаго ²⁾. Таковъ же былъ бл. Августинъ и въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ. Всякое вѣроломство возбуждало въ немъ крайнее негодованіе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть строки, въ которыхъ онъ описываетъ поведеніе римскихъ школяровъ, скромно и старательно слушавшихъ лекціи частныхъ преподавателей, но исчезавшихъ вмѣстѣ съ приближеніемъ срока вносить гонораръ ³⁾. Наоборотъ, искренность и прямотушніе примиряли его съ человѣкомъ, къ которому при другихъ обстоятельствахъ онъ отнесся бы съ безусловнымъ осужденіемъ. Когда онъ обратился къ Фавсту за разъясненіями, которыя могли бы примирить астрономическія данныя съ астральными мѣрами манихейства, а знаменитый глава секты откровенно сознался ему, что не освѣдомленъ въ подобнаго рода вопросахъ, то этой искренностью онъ подкупилъ Августина и снискалъ его дружеское расположеніе ⁴⁾.

Его собственныя сочиненія носятъ на себѣ печать общепризнанной искренности. Въ этомъ отношеніи особенно поражаетъ его Исповѣдь. Въ подобнаго рода произведеніяхъ автору обыкновенно очень трудно бываетъ сохранить полную объективность, потому что, очень часто даже помимо сознанія, его перомъ руководитъ скрытая въ глубинахъ души мысль о томъ, какъ къ нему отнесутся люди на основаніи сдѣланныхъ имъ признаній, и онъ непроизвольно начинаетъ прикрашивать себя. Есть пороки, въ которыхъ не стыдно бываетъ сознаться, и есть вещи безразличныя, при воспоминаніи о которыхъ краска заливаетъ лицо. Поэтому, первые обыкновенно облачаютъ въ приличную одежду, а о вторыхъ совсѣмъ умалчиваютъ. Въ Исповѣди бл. Августина,

¹⁾ Confes. III, 6.

²⁾ Ibid. IV, 2.

³⁾ Ibid. V, 22.

⁴⁾ Ibid. V, 12.

напротивъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ задней мысли. Съ замѣчательнымъ чистосердечіемъ рассказываетъ онъ о самыхъ сокровенныхъ изгибахъ чувственности, въ оковахъ которой онъ такъ долго томился.

Говорятъ, что чѣмъ выше, сложнѣе и полнѣе психическая жизнь существа, тѣмъ острѣе чувствуетъ оно страданіе и удовольствіе. Восходя отъ простѣйшихъ животныхъ къ высшимъ и болѣе организованнымъ, отъ животныхъ къ человѣку, отъ человѣка мало одареннаго, съ едва пробуждающимся, дремотнымъ сознаніемъ, къ человѣку съ сложной и тонкой душевной организаціей, живущему полнотою внутренней жизни, мы можемъ видѣть какъ постепенно расширяется кругъ возможныхъ страданій и наслажденій, какъ постепенно повышается чувствительность къ боли и острѣе становится экзальтація наслажденій, какъ, соотвѣтственно этому, сама жизнь пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе цѣнности. Личность бл. Августина подтверждаетъ это наблюденіе. Его необыкновенная одаренность и общая напряженность всѣхъ его силъ выражается и въ той интенсивности, съ которой онъ переживалъ страданія и наслажденія.

Внѣшняя жизнь бл. Августина протекла гладко, безъ потрясеній, безъ жестокихъ ударовъ судьбы, безъ крупныхъ несчастій и безнадѣжныхъ разочарованій, сокрушающихъ силу характера и энергію личности. Большинство людей съ меньшей впечатлительностью и болѣе узкими требованіями предъявляемыми къ жизни, въ его положеніи чувствовали бы себя удовлетворенными и благословили бы свой жребій. Но для Августина его жизнь до обращенія представляется сплошною горечью и несчастіемъ. Муки ревности и домашнихъ ссоръ, потеря друга, необходимость искать расположенія сильныхъ людей, безуспѣшность попытокъ повыше подняться надъ толпою и создать для себя положеніе, соотвѣтствующее талантамъ, ощущаются имъ крайне болѣзненно. Чтобы понять остроту этихъ чувствъ, достаточно одного при-
мѣра, который является въ высшей степени характернымъ для Августина и его отношенія къ боли страданій. Мы разумѣемъ впечатлѣніе, которое оставили въ немъ годы дѣтства. Дѣтство Августина было счастливо. У него были хорошіе родители, которые ничего для него не жалѣли; онъ выросъ въ атмосферѣ любви и нѣжности; онъ никогда не

испытать нужды въ необходимомъ; жизнь дарила ему радости. Но суровость школы, которую онъ прошелъ, омрачила все. Тѣлесныя наказанія, жестокія и часто несправедливыя, были невыносимы для впечатлительнаго мальчика. Со всѣмъ жаромъ дѣтской безпомощности молилъ онъ Бога, чтобы Онъ спасъ его отъ побоевъ. Особенно обижало его то, что, страдая отъ наказаній, онъ ни въ комъ изъ взрослыхъ не встрѣчалъ сочувствія, а видѣлъ отовсюду лишь самое легкое и шутливое отношеніе къ своимъ дѣтскимъ несчастіямъ ¹⁾. Мы еще встрѣчаемъ людей, получившихъ воспитаніе въ нашихъ дореформенныхъ, не менѣе суровыхъ школахъ. Въ ихъ разказахъ изъ пережитаго въ дѣтствѣ, до глубины души возмущающихъ наше чувство, очень часто не слышится ни обиды, ни особой горечи, а скорѣе какое то странное удовлетвореніе. Они со всѣмъ примирились. „Что прошло, то стало мило“. Но тонкая чувствительность Августина никогда не примирилась съ розгой. Теоретически онъ исключилъ ее въ свою общую оптимистическую концепцію міра. Подобно прочимъ мыслителямъ древности, сердце которыхъ возмущалось при видѣ жестокости и несправедливости социальныхъ отношеній, ему не приходило въ голову, что быть общества можетъ быть измѣняемо просвѣщенной и человеколюбивой волей народа. Своимъ умомъ онъ признавалъ впоследствии необходимость и пользу тѣлесныхъ наказаній въ школѣ ²⁾. Но чувство его не переставало протестовать. Дѣтство не было для него порою золотыхъ сновъ, обвѣянныхъ любовью и безмятежностью, дорогимъ воспоминаніемъ, на которомъ отдыхаетъ душа, усталая въ страдѣ жизни.

„Дѣтство веселое, дѣтскія грезы,

Только васъ вспомнишь, улыбка и слезы“...

Чувство, выразившееся въ этихъ словахъ поэта, было совершенно чуждо Августину. О своемъ дѣтствѣ онъ говоритъ съ удивительною горечью и выражаетъ твердую увѣренность, что всякій, кому предложили бы на выборъ или умереть или вновь пережить свое дѣтство, безъ всякаго колебанія предпочелъ бы смерть ³⁾.

¹⁾ Confess. I, 14—16.

²⁾ Ibid. I, 19. 23.

³⁾ De civ. Dei XXI, 14.

Но если страданія ощущались Августинѣмъ крайне болезненно, то и наслажденія всецѣло захватывали его. Утѣхи чувственной любви, радость побѣды, восторги откровенія мысли, любовь къ друзьямъ и близкимъ, экстазы религіознаго чувства повергали его въ сладостный трепетъ, о которомъ даетъ понятіе *несравненная лирика его сочиненій*. Поэтому счастье и блаженная жизнь всегда казались ему предѣломъ всѣхъ желаній и послѣднею цѣлью всѣхъ усилій. Въ безконечномъ разнообразіи человѣческихъ стремленій, вкусовъ, пристрастій онъ находилъ лишь одно всеобщее желаніе и одну еще признанную истину, которую не въ силахъ поколебать никакой скептицизмъ: всѣ хотятъ счастья и блаженной жизни ¹⁾. Это аксіоматическое положеніе, подражая Цицерону, онъ беретъ очень часто исходной точкой для своихъ логическихъ построеній. Когда одна знатная и осторожная дама, Проба, опасавшаяся, какъ бы неумѣстной молитвой не навлечь на себя несчастья, обратилась къ Августину за совѣтомъ, онъ отвѣтилъ ей, что слѣдуетъ молиться только о блаженной жизни, которой желаютъ и добрые и злые, но достигаютъ одни добрые ²⁾. Скорбь и радость сообщали полную его жизни, и за это онъ любилъ и цѣнилъ ее. Самое бытіе было для него сопряжено съ такимъ наслажденіемъ, что онъ желалъ лучше переносить какія угодно страданія, но все-таки жить, чѣмъ найти успокоеніе въ лонѣ совершеннаго небытія. Онъ отказывался вѣрить, чтобы серьезно можно было предпочитать небытіе жизни, исполненной бѣдствій ³⁾. Самоубійство казалось ему необъяснимымъ заблужденіемъ, противъ котораго возстае и разумъ и чувство. Нельзя разумно отдать предпочтеніе небытію предъ бытіемъ ⁴⁾. Не можетъ чувство пожелать уничтоженія: когда бѣдствія и нестерпимыя страданія толкаютъ человѣка на самоубійство, то его чувство ищетъ не уничтоженія, а покоя. Но покой не есть отсутствія бытія, а наоборотъ, его высшая форма, такъ какъ въ немъ нѣтъ постоянного частичнаго умирающаго, съ которымъ сопряжена непре-

1) Confes. X, 29. Ibid. X, 31. De morib. man. I, 4. De civ. Dei. X, I, 1. ср. De magistr. 46. De Trinit. XIII, 6, 7, 23.

2) Epist. CXXX, 9.

3) De lib. arb. III, 18.

4) Ibid. III, 22.

ривная измѣчивость движенія ¹⁾. Августинъ любитъ жизнь и находилъ, что чѣмъ сильнѣе у человѣка жажда жизни, тѣмъ ближе къ нему блаженство вѣчности. Кто жадно стремится къ бытію, тотъ не удовлетворяется бѣгущими мгновѣніями земныхъ радостей, не мирится съ краткостью настоящей жизни, а страстно желаетъ жизни вѣчной и блаженства непреходящаго ²⁾. Эта ненасытимая жажда бытія и наслажденій, такъ характерная для Августина, служить основной идеей всей его жизни, развитія философіи. Его жизнь представляетъ собою сначала мучительныя поиски счастья, потомъ спокойное обладаніе имъ въ предчувствіи блаженной вѣчности. Его философія есть ученіе о благѣ, обеспечивающемъ это блаженство, о благѣ высшемъ и о благахъ среднихъ и низшихъ, о познаніи относительной цѣнности благъ, о вѣчномъ бытіи высшего блага и происхожденіи благъ низшихъ, объ отпаденіи отъ блага и возвращеніи къ нему.

Таковы выдающіяся черты личности бл. Августина, послужившія естественными данными для его послѣдующаго развитія. Но кромѣ ихъ, направленіе его личныхъ исканій предопредѣлялось ранними впечатлѣніями дѣтства и вліяніемъ среды, о которомъ теперь необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

II.

Вліяніе воспитанія.

Нѣкоторые изслѣдователи пытаются объяснить религіозную драму бл. Августина двойственностью вліяній, подъ воздѣйствіемъ которыхъ онъ находился. Въ немъ видятъ типическое отображеніе контрастовъ африканскаго общества того времени. Указываютъ на то, что въ этой средѣ язычество сталкивалось съ христіанствомъ, чудовищный развратъ умиравшей религіи съ святостью и аскетическимъ самоотреченіемъ новой. люди, преданные противсестественнымъ порокамъ, съ святыми, отказавшимися отъ всего ради высокихъ идеальныхъ благъ, каковы Тертулліанъ, мученикъ Ки-

¹⁾ Ibid. III, 23.

²⁾ Ibid. III, 26.

пріанъ, монахи и подвижники. Эти контрасты общества, продолжаютъ они, Августинъ съ самаго своего рожденія могъ наблюдать въ родной семьѣ, такъ какъ отецъ его былъ язычникъ, а мать святая ¹⁾. Къ сожалѣнію, эта заманчивая и многообѣщающая концепція не находитъ для себя оправданія въ Исповѣди бл. Августина. Общественные контрасты, на которые въ этомъ случаѣ ссылаются, не могли положить глубокой печати на личность бл. Августина уже потому, что они не были ему извѣстны. Ранѣе крещенія личность Тертулліана и св. Кипріяна такъ мало занимали его, что онъ при всемъ своемъ огромномъ интересѣ къ литературѣ, не позаботился ознакомиться съ ихъ сочиненіями. Монашества въ то время въ Карфагенѣ еще не было, и о существованіи христіанскихъ подвижниковъ бл. Августинъ узналъ лишь въ Миланѣ не задолго до своего окончательнаго обращенія ²⁾. Въ самой семьѣ бл. Августина разладъ между языческимъ и христіанскимъ элементомъ былъ далеко не такъ великъ, какъ это обыкновенно представляютъ. Правда, отецъ Августина, Патрицій, былъ язычникъ, но не столько по убѣжденію, сколько по рутинѣ и приспособляемости къ требованіямъ жизни. Во всякомъ случаѣ мы не замѣчаемъ въ немъ и тѣни фанатизма. Чуждый идеальныхъ порывовъ, онъ болѣе всего цѣнилъ блага настоящей жизни. Къ тому же онъ не отличался семейными добродѣтелями и не былъ безупреченъ въ отношеніи супружеской вѣрности. Надѣленный отъ природы горячимъ и вспыльчивымъ темпераментомъ, онъ не считалъ пужнымъ сдерживать и контролировать себя въ минуты гнѣва, но онъ былъ человѣкъ не злой и легко уступалъ внушеніямъ благоразумія, когда гнѣвъ переставалъ ослѣплять его ³⁾. Мать бл. Августина, Монника, происходила изъ христіанской семьи и была воспитана старушкой няней въ самыхъ строгихъ правилахъ. Въ раннемъ дѣтствѣ ей не позволяли ѣсть и пить даже воду иначе, какъ за столомъ, когда къ нему сходились все, и это приучило

¹⁾ *Кн. Е. Трубецкой*. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V в. Ч. I. Мировоззрѣніе бл. Августина. Москва 1892. Стр. 22—23. G. Boissier. Etudes d'histoire religieuse. VI. La conversion de saint Augustin. Rev. des deux mondes. T. 85 (1888) p. 45.

²⁾ *August.* Confes. VIII. 14—15.

³⁾ Confes. IX, 19. 22.

ее къ терпѣнію, которое ей очень пригодилось впоследствии ¹⁾. Ставъ женой необузданнаго въ гнѣвѣ Патріція, она сумѣла побѣдить его своей кротостью и уступчивостью. Она примирялась даже съ его беспорядочной жизнью, и цѣною такого самопожертвованія была обезпеченъ семейный миръ ²⁾. Въ концѣ концовъ ея нравственное превосходство одержало полную побѣду: подѣ конецъ своей жизни Патріцій сдѣлался христіанномъ и совершенно измѣнился нравственно ³⁾. Такова была семья, въ которой бл. Августинъ получалъ первоначальное воспитаніе. Бя двойственность не представляла собой чего либо чрезвычайнаго, способнаго поражать воображеніе даже впечатлительнаго ребенка. И въ христіанскомъ обществѣ всѣхъ временъ и народовъ семьи съ равнодушнымъ къ религіи отцомъ и благочестивою матерью встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Каково же было вліяніе того и другого супруга на бл. Августина въ его дѣтствѣ?

Конечно, отецъ не могъ внушить Августину ни христіанской вѣры, ни христіанскихъ идеаловъ. Напротивъ, онъ несомнѣнно способствовалъ развитію въ мальчикѣ тщеславія и честолюбивыхъ стремленій и безъ того въ немъ естественныхъ, такъ какъ то и другое обыкновенно служитъ искушеніемъ таланта. Видя выдающіяся способности сына, этотъ небогатый житель Тагасты, къ великому удивленію своихъ согражданъ, не жалѣлъ ничего, чтобы дать ему исполнѣ законченное образованіе и помочь достигнуть впоследствии обезпеченнаго и почетнаго положенія въ обществѣ ⁴⁾. Но онъ не проявлялъ никакихъ заботъ о воспитаніи его нравственнаго характера. Когда у юноши проявилась чувственность, а вмѣстѣ съ нею и пороки, отецъ втайнѣ этому сочувствовалъ ⁵⁾. Но и Монника въ то время далеко еще не достигла высоты христіанскаго настроенія, на которой она стояла во время бесѣды съ сыномъ въ Осгій не задолго до своей смерти. Нуженъ былъ рядъ тяжелыхъ испытаній, годы тревогъ о судьбѣ любимаго сына, годы молитвъ о немъ и

¹⁾ Ibid. IX, 17.

²⁾ Ibid. IX, 19.

³⁾ Ibid. IX, 22.

⁴⁾ Ibid. II, 5.

⁵⁾ Ibid. II, 6.

слезъ, нужно было, наконецъ, обратное вліяніе Августина, обратившагося къ церкви, чтобы все земное стало для нея безразличнымъ. По выраженію бл. Августина, въ то время она, хотя уже убѣждала изъ самаго средоточія Вавилона, но все еще продолжала ходить по его окраинамъ ¹⁾. Она вполнѣ одобряла и поддерживала честолюбивые планы мужа и сама очень заботилась объ образованіи и будущности сына. Не находя въ этомъ ничего противнаго требованіямъ христіанской совѣсти. И ее болѣе всего занимала карьера сына. Какъ христіанка, она не могла одобрить распущенности, которую со скорбію стала замѣчать въ поведеніи молодого человѣка, и убѣждала его по крайней мѣрѣ не доводить дѣла до физической связи съ женщинами и особенно не посягать на женщинъ замужнихъ, такъ какъ церковь относилась съ особенной строгостью къ прелюбодѣянью, разрушающему счастье и миръ семейнаго очага. Но въ своихъ заботахъ объ охраненіи цѣломудрія юноши, она не рѣшалась примѣнить къ нему ту мѣру, которую въ этомъ случаѣ рекомендовала церковь и которую впоследствии единственно цѣлесообразной считалъ самъ бл. Августинъ—женитьбу, потому что въ этомъ она видѣла препятствіе къ его дальнѣйшему образованію. Ранній бракъ положилъ бы конецъ всѣмъ мечтамъ о мірскихъ успѣхахъ сына ²⁾. После смерти мужа, несмотря на стѣсненное матеріальное положеніе, Монника поддерживала Августина своими средствами, чтобы дать ему возможность пройти до конца высшую школу въ Каррагенѣ ³⁾. Такимъ образомъ между Патриціемъ и Монникой царило полное согласіе въ вопросѣ объ образованіи сына и его конечной цѣли, и если тщеславіе Августина развивалось подъ вліяніемъ домашнихъ впечатлѣній, то отвѣтственность въ этомъ ей въ какомъ случаѣ нельзя возлагать на одного отца.

Областью, въ которой съ особенною силою сказалось вліяніе матери на Августина, была религія. Благодаря раннимъ впечатлѣніямъ дѣтства, несмотря на свое поразительное незнакомство съ ученіемъ церкви, несмотря на свою самоувѣ-

¹⁾ Et illa, quae jam de medio Babylonis fugeret, sed ibat in caeteris ejus cardior. Ibid. II, 8.

²⁾ Ibid. II, 8.

³⁾ Ibid. III, 7.

ренность, несмотря на все свои заблужденія, въ глубинѣ души онъ всегда оставался христіаниномъ. Мать научила его молиться и внушила неискоренимое благоговѣніе къ имени Іисуса Христа. Когда въ школѣ мальчику угрожали наказанія, онъ обращался съ трогательной молитвой къ Богу ¹⁾. Подвергшись въ дѣтствѣ опасной болѣзни, онъ потребовалъ крещенія съ необычайной для этого возраста силою чувства. Не въ состояніи его здоровья произошло улучшение, и крещеніе, по обычаю того времени, было отложено до болѣе зрѣлаго возраста ²⁾. Чтобы яснѣе представить сущность религіозныхъ исканій бл. Августина нужно теперь же установить ихъ неизмѣнную основу, — тѣ вѣрованія, которыя были внушены ему матерію и которыя никогда его не покидали.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что бл. Августинъ никогда не былъ язычникомъ. Отъ самаго рожденія онъ былъ зачисленъ въ ряды оглашаемыхъ, осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и вкушалъ освященную соль въ дни Пасхи ³⁾. Поэтому свое присоединеніе къ сеитѣ манихеевъ онъ ощущалъ какъ отпаденіе отъ католической церкви, къ которой принадлежалъ ранѣе ⁴⁾. По воскреснымъ днямъ онъ посѣщалъ богослуженіе ⁵⁾. Содержаніе его молитвъ, отзывъ его сердечныхъ желаній, мѣнялось, то онъ никогда не переставалъ обращаться съ ними къ Богу ⁶⁾. Въ язычествѣ съ его политеизмомъ онъ никогда не находилъ ничего привлекательнаго. Боги народной религіи въ его глазахъ были демонами и не возбуждали въ немъ ничего, кромѣ безграничнаго презрѣнія. Если иногда онъ и упрекалъ себя въ служеніи демонамъ, то подъ нимъ онъ всегда разумѣлъ подчиненіе темнымъ силамъ своей воли, совершающей грѣхъ предъ Богомъ, а отъ такого идолослуженія не свободенъ ни одинъ христіанинъ ⁷⁾. Его отношеніе къ языческому культѣ характеризуетъ одинъ случай, относящійся къ тому времени, когда онъ уже примкнулъ къ манихеямъ. Однажды онъ за-

¹⁾ Ibid. I, 14, 15.

²⁾ Ibid. I, 17.

³⁾ Ibid. I, 17, VI, 16.

⁴⁾ De utilit. cred. 2.

⁵⁾ Confes. III, 5.

⁶⁾ Ibid. III, 7.

⁷⁾ Ibid. III, 5.

думалъ принять участіе въ публичномъ состязаніи и прочесть въ театрѣ свое стихотворное произведеніе ¹⁾. Въ подобныхъ случаяхъ было въ обычаѣ обращаться къ помощи магіи, чтобы обезпечить себѣ покровительство боговъ и направить ихъ нерасположеніе въ сторону противниковъ. Сохранились заклинательныя таблички, изготовленныя на свинцѣ по заказу одного цирковаго наѣздника, не надѣявшагося иными средствами восторжествовать надъ своими соперниками ²⁾. Даже церковь считалась съ этимъ суевѣрнымъ обычаемъ. Въ житіи преп. Иларіона разсказывается, какъ христіанскій наѣздникъ при помощи воды, освященной преподобнымъ, разрушилъ чары своего языческаго соперника и одержалъ надъ нимъ побѣду на состязаніи ³⁾. Поэтому совершенно въ духѣ того времени одинъ гадатель предложилъ Августину свои услуги предъ его выступленіемъ, обѣщая за извѣстную плату обезпечить ему помощь демоновъ и побѣду. Но молодой риторъ съ презрѣніемъ отвергъ это предложеніе, заявивъ, что для него омерзительны подобныя таинства и что онъ не позволилъ бы убить даже мухи, чтобы такую цѣною купить себѣ побѣду ⁴⁾. Онъ не хотѣлъ, чтобы за его успѣхъ была принесена жертва демонамъ ⁵⁾. Въ противоположность этой языческой магіи, Августинъ съ увлеченіемъ предавался астрологіи, но только потому, что не усматривалъ въ ней никакой связи съ культомъ боговъ народной религіи: здѣсь не было не жертвоприношеній, ни призванія духовъ, ни молитвъ, обращенныхъ къ демоническимъ силамъ ⁶⁾.

Не имѣя ничего общаго съ язычествомъ, бл. Августинъ никогда не былъ и совершенно безрелигіознымъ. Основныя истины христіанской вѣры глубоко коренились въ его душѣ

¹⁾ Ibid. IV, 3.

²⁾ Изданіе этихъ табличекъ и изслѣдованіе о нихъ см. у *R. Wünsch*. *Sethianische Verfluchungstafeln aus Rom*. Leipzig 1898.

³⁾ Confes. IV, 3.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ *Sed videlicet sacrificari pro me nollem daemonibus*. Ibid. Изъ приведенныхъ выдержекъ ясно, что мотивомъ отказа Августина было презрѣніе къ язычеству, а не манихейская жалость къ животнымъ, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи.

⁶⁾ Ibid. IV, 4.

и изъ нея нѣдрѣ руководили его мышленіемъ и волей. Иногда тверже, иногда слабѣе, но всегда и неизмѣнно онъ вѣрилъ, что Богъ существуетъ, что Онъ заботится о насъ и, будучи невидимъ, слышитъ наши молитвы. Въ этой увѣренности его не могли поколебать никакіе философскіе доводы ¹⁾.

Въ своихъ самостоятельныхъ религіозныхъ исканіяхъ бл. Августинъ всегда руководился христіанскимъ понятіемъ о Богѣ, которое было внушено ему въ дѣтствѣ и имѣло для него значеніе аксіомы, истины самоочевидной и не подлежащей критикѣ.

Съ самаго своего дѣтства въ теченіи всей своей жизни онъ неизмѣнно хранилъ христіанское понятіе о Богѣ, какъ Существо всеобъемлющемъ, неограниченномъ, чуждомъ несовершенствъ и недостатковъ, великомъ, абсолютномъ ²⁾. Это все превосходящее величіе рисовалось ему въ терминахъ какъ нравственнаго, такъ и метафизическаго характера. Въ годы своей молодости онъ считалъ необходимымъ свойствомъ Бога Его безграничную протяженность въ пространствѣ, и если иногда мирился съ представленіями, ведущими къ признанію пространственной ограниченности Божества, то лишь неохотно и только въ надеждѣ путемъ этой уступки избѣжать болѣе, какъ ему казалось, оскорбительнаго для Бога мнѣнія, признающаго Его виновникомъ зла. Исходя изъ идеи абсолютной святости Бога, онъ былъ твердо убѣжденъ, что Богъ не можетъ быть причиною зла, что на вопросъ о происхожденіи зла необходимо отвѣчать такъ, чтобы этотъ отвѣтъ исключалъ всякую мысль о Богѣ, какъ источникѣ грѣха. Противоположное мнѣніе было равносильно въ его глазахъ нечестію и хулѣ на Бога. Изъ понятія о Богѣ, какъ существѣ абсолютномъ, вытекала далѣе идея Его неизмѣняемости, недоступности какому бы то ни было насилію и страданію. Къ этому убѣжденію Августина приводила самоочевидность того положенія, что не подлежащее порчѣ насилію и разрушенію лучше и выше того, что подлежать имъ. Если Богъ есть Существо самое лучшее, то Онъ долженъ быть выше измѣняемости ³⁾. Колебанія Августина въ

¹⁾ Ibid. VI, 7—8.

²⁾ Ibid. V, 20.

³⁾ Ibid. VII, 1. Ср. VII, 3, 6.

понятіи о Богѣ касались только Его природы и свойствъ Его субстанціи ¹⁾. Далѣе, ему сначала не было ясно, что идея неограниченности и абсолютности Бога исключаетъ дуализмъ. А это обстоятельство съ несомнѣнностью доказываетъ, что своимъ понятіемъ о Богѣ онъ былъ обязанъ не прямому вліянію христіанской литературы, а косвенному—черезъ христіанское сознаніе матери, черезъ церковную проповѣдь, черезъ всю христіанскую среду, воспитанную этой литературой, и въ свою очередь воспитывавшую въ томъ же духѣ его религіозное чувство.

Кромѣ увѣренности въ бытіи, неограниченности и абсолютномъ совершенствѣ Бога, бл. Августинъ всегда хранилъ вѣру въ безсмертіе души и загробное воздаяніе ²⁾. Но призваніе всѣхъ этихъ тезисовъ само по себѣ еще не служить доказательствомъ христіанскаго воспитанія и христіанскихъ чувствъ человѣка, исповѣдающаго эти убѣжденія: Ихъ могли раздѣлять и іудеи, и неоплатоники. Но въ Августинѣ эпохи его исканій нельзя видѣть просто философа, желавшаго оставаться въ предѣлахъ религіи, которая могла быть приемлема для всѣхъ системъ и сектъ. По своему внутреннему настроенію, по своему сердечному отношенію ко Христу онъ всегда былъ христіаниномъ. Правда, его воззрѣнія касательно природы основателя христіанства смѣняли другъ друга—онъ признавалъ Искупителя то эманацией свѣтлаго начала, принявшей видъ человѣка ³⁾, то простымъ человѣкомъ, надѣленнымъ необыкновенною мудростью и справедливостью ⁴⁾; то, наконецъ, воплощеніемъ Божественнаго Логоса,—но самая личность Христа была ему дорога и всегда внушала къ Себѣ любовь и религіозное почитаніе ⁵⁾. Священное имя Христа Спасителя онъ всосалъ съ молокомъ матери и ничто не могло искоренить въ немъ обаяніе этого имени ⁶⁾. Въ Лицѣ І. Христа онъ любилъ и почиталъ своего Спасителя, и былъ глубоко убѣжденъ, что откровеніе, данное Имъ, есть

¹⁾ Ibid. VI, 8.

²⁾ Ibid. VI, 26.

³⁾ Ibid. V, 20.

⁴⁾ Ibid. VII, 25.

⁵⁾ Ibid. VII, 7.

⁶⁾ Ibid. III, 8.

-единственный путь къ Богу, и что безъ вѣры во Христа не возможно спасеніе.

Мы собрали разсѣянные на страницахъ Исповѣди черты неизмѣнныхъ вѣрованій бл. Августина, которыя руководили его религіозными исканіями. Въ одномъ мѣстѣ, однако, самъ авторъ перечисляетъ всѣ отмѣченныя нами тезисы, именно какъ содержаніе своей всегдашней вѣры: „Ты непустилъ, говоритъ онъ, никакимъ волнамъ помысленій поколебать меня въ вѣрѣ, что Ты существуешь, что субстанція Твоя неизмѣнима, что есть Промыслъ Твой и Судъ Твой о людяхъ, и что во Христѣ Сынъ Твоемъ, Господь нашъ... Ты положилъ путь спасенія для человѣка, путь къ той жизни, которая наступитъ послѣ этой смерти“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, бл. Августинъ вовсе не былъ человекомъ безъ догмата, скептикомъ, для котораго нѣтъ ничего несомнѣннаго, свободомыслящимъ, не связаннымъ никакимъ авторитетомъ. Въ своемъ переходѣ отъ одной доктрины къ другой въ сущности онъ искалъ болѣе глубокаго пониманія христіанства, въ безусловной истинности котораго онъ былъ заранѣе увѣренъ. Потому то, когда обстоятельства духовнаго развитія ставили его въ необходимость изъ многихъ путей избрать одинъ и въ его направленіи продолжать движеніе, онъ никогда не остановился на философін и не отдалъ себя подъ ея руководство. На свои вопросы онъ всегда въ такихъ случаяхъ искалъ отвѣта въ религіозныхъ ученіяхъ и притомъ говорившихъ отъ имени Христа. Ни одна система, какъ бы краснорѣчива и основательна она ни была, не могла удовлетворить его, если онъ не находилъ въ ней спасительнаго имени Христа ²⁾.

И. Поповъ

¹⁾ Ibid. VII, 11.

²⁾ Ibid. V, 25.